

ЗАВИСИМОСТЬ ОТ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И ЛИЧНОСТНАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ

А.Е. Абдрахманова¹, И.С. Ефремов²

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный медицинский университет» Минздрава России,
г. Уфа, Россия¹
ГБУЗ Республики Башкортостан «Республиканская клиническая психиатрическая больница»,
г. Уфа, Россия²

Аннотация

В работе приводятся данные исследования ассоциации зависимости от социальных сетей и пола, типа пользовательской активности в социальной сети, выраженности личностной тревожности. Были использованы психодиагностический метод и метод обработки статистических данных. В качестве методик были использованы Бергенская шкала зависимости от социальных сетей (Andreassen et al., 2016), шкала оценки уровня личностной тревожности Ч. Спилбергера – Ю.Ханина (1976). Исследуемым стал 771 русскоязычный Интернет-пользователь (506 женского пола, 265 мужского пола). В результате проведения пилотного исследования было выявлено, что признаки зависимости от социальных сетей характерны для лиц женского пола ($\chi^2=13,674$; $p=0,000$), а также для тех, кто использует социальные сети для выкладывания контента ($N=60,8$; $p=0,0000$). Была обнаружена статистически значимая положительная корреляционная связь между признаками зависимости от социальных сетей и признаками личностной тревожности ($R=0,47$; $p=0,000$).

Ключевые слова: социальные сети, зависимость, Интернет, тревожность, BSMAS.

SOCIAL MEDIA ADDICTION AND PERSONAL ANXIETY

A.E. Abdrakhmanova¹, I.S. Efremov²

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Bashkir State Medical University»
of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Ufa, Russia¹
Republican Clinical Psychiatric Hospital, Ufa, Russia²

Annotation

The article presents the data of the research of the association of social media addiction and gender, the type of user activity in the social media, the severity of personal anxiety. The psychodiagnostic method and the statistical data processing method were used. The Bergen Social Media Addiction Scale (Andreassen et al., 2016), the Spielberger-Khanin personal anxiety inventory (1976). The subjects were 771 Russian-speaking Internet users (506 female, 265 male). As a result of the pilot research, it was revealed that signs of social media addiction are characteristic for women ($\chi^2=13.674$; $p=0.000$), as well as for those who use social media to post content ($N=60.8$; $p=0.0000$). A statistically significant positive correlation was found between signs of social media addiction and signs of personal anxiety ($R=0.47$; $p=0.000$).

Key words: social media, addiction, Internet, anxiety, BSMAS.

Актуальность. Социальные сети захватывают внимание и время пользователей по всему миру, проникая в самые разнообразные сферы повседневной жизни людей. По данным Digital 2021 October Global Statshot Report, 4,55 млрд человек являются активными пользователями социальных сетей – это составляет 93,2% всех пользователей сети Интернет и 57,6% населения планеты [1]. Показатели имеют тенденцию к непрерывному росту, что не может не вызывать обеспокоенность в научном сообществе.

На сегодняшний день существуют исследования, доказывающие связь между субъективным благополучием пользователей и различными типами поведения в социальных сетях [2, 3]. Проблемное использование социальных сетей имеет ряд признаков (заметность, изменение

настроения, толерантность, симптом отмены, конфликт и рецидив), являющихся общими для всех видов зависимости. Предполагается, что оно формируется несколькими факторами, включая диспозиционное, социокультурное и поведенческое подкрепление [4].

После включения в МКБ-11[5] диагноза «игровое расстройство» споры о возможности выделения других видов нехимических зависимостей (в том числе интернет-зависимости и зависимости от социальных сетей) в самостоятельные нозологические единицы приобрели новый виток развития. Одни авторы предупреждают об опасности причисления таких поведенческих расстройств к числу болезненных патологий ввиду риска применения необоснованной психофармакотерапии и электросудорожной терапии с целью их купирования [6]. Другие считают: все аддиктивные расстройства имеют общие генетические и нейробиологические закономерности и, соответственно, все они могут быть признаны расстройствами [7].

Склонность к тревожности является характерной чертой лиц с зависимым поведением. У лиц, злоупотребляющих алкоголем, она может быть как признаком алкогольной абстиненции, так и коморбидным расстройством [8]. Активно изучается роль тревожности и в развитии нехимических зависимостей – однако большая часть исследований сконцентрирована на изучении взаимосвязи тревожности и проблемного использования смартфонов или Интернета. Социальные сети, ввиду тесного соприкосновения с разными аспектами жизни пользователей, требуют отдельного рассмотрения во взаимосвязи с аффективными расстройствами, что объясняет актуальность и новизну данного исследования.

Цель пилотного исследования – определить распространенность зависимости от социальных сетей среди респондентов, её взаимосвязь с полом, типом активности респондентов в социальных сетях и их уровнем личностной тревожности.

Материал и методы

Участниками исследования был 771 русскоязычный Интернет-пользователь, среди которых 65,6% (506/771) женщин, 34,4% (265/771) мужчин, приглашенных к участию в исследовании путём рассылки приглашений на электронную почту и размещения объявлений в социальных сетях. Респондентам предлагалось заполнить специально созданный опросник на платформе forms.google.com.

Возраст респондентов находился в пределах от 18 до 68 лет, средний возраст составил $23,61 \pm 7,54$ года. Распределение семейного положения было следующим: замужем/женат – 16,21% (125/771), состоят в отношениях, не зарегистрированных официально – 35,67% (275/771), не состоят в официальном браке и отношениях – 48,11% (371/771). Род занятий у респондентов: военнослужащий, работник правоохранительных органов – 1,04% (8/771), пенсионер – 0,4% (3/771), предприниматель/самозанятый – 5,58% (43/771), рабочий (в том числе сельскохозяйственного предприятия) – 6,87% (53/771), руководитель, управленческий работник – 6,1% (47/771), специалист без руководящих функций – 19,07% (147/771), студент вуза – 52,8% (407/771), студент СУЗа – 3,11% (24/771), безработный/временно не работающий – 5,06% (39/771). Уровень дохода участников исследования распределялся следующим образом: до 10 000 рублей – 16,99% (131/771), 11 000–20 000 рублей – 20,88% (161/771), 21 000–40 000 рублей – 28,92% (223/771), 41 000–60 000 рублей – 12,84% (99/771), 61 000–80 000 рублей – 7,26% (56/771), 81 000–100 000 рублей – 6,22% (48/771), 101 000–149 000 рублей – 3,11% (24/771), свыше 150 000 рублей – 3,76% (29/771).

Заполняемая респондентами анкета включала в себя три раздела. Первый раздел позволял узнать пол и возраст участника исследования, семейное положение, род занятий, средний доход, предпочитаемую социальную сеть и тип пользовательской активности участника исследования в социальной сети (последний пункт определялся через вопросы «Какой социальной сетью вы пользуетесь чаще всего?» и «Как часто Вы выкладываете контент, созданный самостоятельно?» с предлагаемыми вариантами ответов). Второй раздел включал Бергенскую шкалу зависимости от социальных сетей (BSMAS; Andreassen et al., 2016). Третий раздел позволял оценить уровень личностной тревожности с помощью шкалы оценки уровня личностной тревожности Ч. Спилбергера – Ю.Ханина (1976).

Статистическая обработка проводилась с применением программных пакетов STATISTICA 10, Microsoft Excel, IBM SPSS Statistics 26. Различия признавали статистически достоверными при уровне значимости $p < 0,05$.

Результаты

При анализе результатов, полученных с применением шкалы BSMAS, было выявлено следующее. В исследуемой выборке 15,3% (118/771) респондентов имели признаки зависимости от социальных сетей. Респонденты с признаками зависимости от социальных сетей

чаще встречалось среди лиц женского пола (95/118; 80%) по сравнению с мужчинами (23/118; 20%) ($\chi^2=13,674$; $p=0,000$). Эти респонденты составили основную группу. У большинства испытуемых (653/771; 84,7%) признаков зависимости обнаружено не было, они составили контрольную группу. Преобладание лиц женского пола среди лиц с признаками зависимости от социальных сетей может быть связано с их преобладанием в выборке. Возрастных отличий в группах с признаками зависимости и без таковых обнаружено не было.

При проведении анализа результатов по шкале BSMAS и типа пользовательской активности в социальных сетях было произведено сравнение с применением критерия Краскела–Уоллиса. Было выявлено, что наибольшие баллы набрали пользователи, которые самостоятельно выкладывают контент в сеть, наименьший балл – пользователи, которые используют социальные сети только для общения ($N=60,8$; $p=0,0000$).

При анализе результатов, полученных с применением шкалы личностной тревожности Ч. Спилбергера – Ю.Ханина, было выявлено следующее. В исследуемой группе у 10,1% (78/771) респондентов уровень личностной тревожности соответствует низкому, у 46,9% (362/771) – среднему, у 42,9% (331/771) – высокому. Выраженность личностной тревожности преобладала среди лиц женского пола ($U=43691,5$; $p=0,000$).

При сравнении выраженности личностной тревожности у респондентов основной и контрольной группы с применением U-критерия Манна–Уитни были обнаружены статистически значимые различия. В группе респондентов с признаками зависимости от социальных сетей личностная тревожность выражена в большей степени ($U=19760,5$; $p=0,000$). При применении метода ранговой корреляции Спирмена была обнаружена статистически значимая положительная корреляционная связь между результатом по шкале BSMAS и результатами по шкале личностной тревожности Спилбергера-Ханина ($R=0,47$; $p=0,000$).

Выводы

Таким образом, по результатам пилотного исследования, признаки зависимости от социальных сетей встречались у 15,3% респондентов. Признаки зависимости от социальных сетей характерны для лиц женского пола, а также для тех, кто использует социальные сети для выкладывания контента. Также мы определили, что наличие признаков зависимости от социальных сетей связано прямой корреляционной связью с личностной тревожностью. Планируется продолжить исследование с расширением выборки и проведением более глубокого анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Datareportal.com* [Internet]. DIGITAL 2021 OCTOBER GLOBAL STATSHOT REPORT. Available from: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-october-global-statshot>.
2. *Beyens I., Pouwels J.L., van Driel I.I., Keijsers L., Valkenburg Patti M.* The effect of social media on well-being differs from adolescent to adolescent // *Scientific Reports*. 2020. Vol. 10, 10763. doi: 10.1038/s41598-020-67727-7.
3. *Lei Zhao.* The impact of social media use types and social media addiction on subjective well-being of college students: A comparative analysis of addicted and non-addicted students // *Computers in Human Behavior Reports*. 2021. Vol. 4, 100122. doi: 10.1016/j.chbr.2021.100122.
4. *Andreassen C.S.* Online Social Network Site Addiction: A Comprehensive Review // *Current Addiction Reports*. 2015. Vol. 2. P. 175–184. doi: 10.1007/s40429-015-0056-9.
5. *Icd. Who. Int* [Internet]. ICD-11 for Mortality and Morbidity Statistics (ICD-11 MMS). Available: <https://icd.who.int/browse11/l-m/en>.
6. *Менделевич В.Д.* Фейк-диагнозы в психиатрических классификациях // *Неврологический вестник*. 2018. Т. L, № 4. С. 15–18. doi: 10.17816/nb14127.
7. *Егоров А.Ю.* Нехимические зависимости – «фейк-диагнозы» или все-таки расстройства? // *Неврологический вестник*. 2019. Т. LI, №1. С. 38–43. doi: 10.17816/nb13557.
8. *Сиволан Ю.П.* Лечение тревожных расстройств у пациентов, злоупотребляющих алкоголем // *Журнал неврологии и психиатрии*. 2018. Т.1, №2. С.34–38. doi: 10.17116/jnevro20181181234-38.

ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА СПЕКТРАЛЬНОЙ МОЩНОСТИ ЭЭГ РИТМОВ У ЛИЦ С КОМБИНИРОВАННОЙ ФОРМОЙ ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКОГО ДИАТЕЗА (РАССТРОЙСТВО ИНТЕГРАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ)

А.А. Бадалов¹, Э.Б. Байышева²

Кыргызско-российский славянский университет им. Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызстан¹

Кыргызская государственная медицинская академия им. И.К. Ахунбаева, г. Бишкек, Кыргызстан²